

8. Shpengler O. Zakat Yevropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii. 2. Vsemirno-istoricheskiye perspektivy / O. Shpengler. – M. : Mysl', 1998. – 606 s.

Карпова С. Г., candidate of philosophical sciences, assistant professor of philosophy in the Oles Gonchar Dnepropetrovsk National University (Ukraine, Dnepropetrovsk), intersub@rambler.ru

The interpretations problem of “decadence” and “crisis” in the philosophy of life

The purpose of the article is research of the problem of “decadence” and “crisis” in the philosophy of life. Main tasks: the problem of “decadence” and “crisis” are analyzed; are found comparative relations in crisis constructions philosophers of life (Bergson, Dilthey, Simmel, Nietzsche, Spengler).

Such scientific methods were used in our research: hermeneutical, analysis and synthesis, comparative. Major crisis situation of the philosophy of life are considered and analyzed. Particular attention is paid to the study of “decadence” and “crisis” in the philosophy of Friedrich Nietzsche. Comparative crisis communication builds representatives of the philosophy of life are defined. A distinctive constructs was allocated in our research: Nietzsche – Simmel – Bergson (through the “crisis”, “decline”, “decadence” and “internal crisis”); Nietzsche – Spengler (“catastrophe”, “sunset” and “crisis”); Dilthey – Spengler – Scheler (“decay”, “crisis” and “turn”).

Keywords: internal crisis, decadence, disaster, crisis, philosophy of life.

Карпова С. Г., кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Днепропетровский национальный университет им. О. Гончара (Украина, Днепропетровск), intersub@rambler.ru

Интерпретации проблемы “декаданса” и “кризиса” представителями философии жизни

Цель исследования – комплексный анализ проблемы “декаданса” и “кризиса” в философии жизни. Основные задачи: анализ специфики “декаданса” и “кризиса”; выделение компаративных связей в кризисных построениях представителей философии жизни (А. Бергсона, В. Дильтея, Г. Зиммеля, Ф. Ницше, О. Шпенглера).

Для реализации поставленных задач использовались следующие методы: герменевтический, компаративный, анализа и синтеза. Рассмотрены и проанализированы основные кризисные положения представителей философии жизни. Сосредоточено особое внимание на исследовании “декаданса” и “кризиса” в философии Ф. Ницше. Определены компаративные связи в кризисных построениях представителей философии жизни. Обнаружена связь построений Ф. Ницше – Г. Зиммеля – А. Бергсона (через “кризис”, “упадок”, “декаданс” и “внутренний кризис”); Ф. Ницше – О. Шпенглер (“катастрофа”, “закат” и “кризис”); В. Дильтея – О. Шпенглер – М. Шелера (“распад”, “кризис”, “новорот”).

Ключевые слова: внутренний кризис, декаданс, катастрофа, кризис, философия жизни.

* * *

УДК 1(091)

Кулик А. В., кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Днепропетровский национальный университет им. Олесея Гончара (Украина, Днепропетровск), al.v.kulik@gmail.com

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИДЕИ УПРАВЛЕНИЯ ХАОСОМ

Целью исследования является историко-философская систематизация философских оснований идеи управления хаосом в работах И. Пригожина, Г. Хакена и их последователей. Основными методами исследования выступили компаративный метод и герменевтика. Обосновано, что идея управления хаосом базируется на следующих трёх философских положениях. Во-первых, на представлении о том, что случайность и необходимость находятся в более сложных отношениях, чем это предполагают традиционные схемы. Во-вторых, на убеждении в недостаточности классических представлений о соотношении первичного и второстепенного при анализе хаоса. В-третьих, на представлениях о принципиальном антимеханицизме практики управления хаосом. Аргументируется, что на генезис идеи управления хаосом оказали влияние два фактора: осмысление трансформаций понятия “хаос” в естественнонаучном знании XIX–XX вв., а также обращение авторов идеи управления хаосом к философскому наследию. Продемонстрировано, что идея управления хаосом обладает спецификой по сравнению с другими идеями западной мысли о хаосе.

Ключевые слова: история философии, хаос, управление хаосом, синергетика, философия XX века.

(статья друкується мовою оригіналу)

Исследовательской проблемой, которая поднимается в данной статье, является выявление философских оснований одной из наиболее дискуссионных тем научных исследований XXI века. Очевидно, что новизна идеи управления хаосом требует взвешенного и обстоятельного прояснения её истоков, содержания, перспектив. И выявление философских основ данной идеи должно существенно помочь в этом.

Идея управления хаосом, высказанная в работах И. Пригожина, Г. Хакена и их последователей, изучалась такими авторами, как Э. Боллт [14], У. Вимсатт [17], Дж. Глейк [2], К. Делокаров [3], М. Каган [4], С. Капица [6], С. Келлерт [15], Е. Князева [7], Л. Няпинен [9], А. Уёмов [11] и др. Однако, историко-философские аспекты указанной темы всё ещё не получили систематического рассмотрения.

Целью настоящего исследования является историко-философская систематизация философских оснований идеи управления хаосом в работах представителей той интеллектуальной традиции, которая была заложена такими авторами, как И. Пригожин и Г. Хакен.

Итак, во второй половине XX века ряд учёных, изучавших феномены хаоса, нелинейной динамики и т.п., сочли нужным выйти из рамок естественнонаучных изысканий на уровень философских обобщений, оживив философские дискуссии новыми терминами и нестандартными подходами. Такие авторы, как И. Пригожин, Г. Хакен заложили основания теоретической традиции рассмотрения хаоса в разрезе возможностей управления им. Учения представителей данной традиции не являют собой единого целого. Это обширный и разноречивый комплекс теорий, разные составляющие которого известны под названиями “синергетика”, “теория управления хаосом”, “теория сложных систем” и др.

Сразу же отметим, что идея управления хаосом довольно неординарна. Дело в том, что в истории западной мысли хаос традиционно рассматривался как то, что может быть упорядочено лишь трансцендентными силами. Этой позиции придерживались, например, Платон, Августин Блаженный и др. философы. Представители некоторых философских учений (например, В. Соловьёв) допускали, что человек может принимать участие в такого рода упорядочении, однако, утверждения о способности человека самовластно управлять хаосом явились чем-то новым в истории мысли.

Тем не менее, нельзя сказать, что высказанная в прошлом веке идея наличия у человека способности к управлению хаосом не имела своей философской предыстории. В философии встречались учения, в которых речь шла об эффективности попыток человека отграничить себя от хаоса (Луллий, Николай Кузанский и др.). А с начала Нового времени в философской мысли стали появляться мнения о том, что человек способен предотвращать проявления хаоса в социальной сфере (Т. Гоббс, Дж. Локк).

В разработке И. Пригожиным, Г. Хакеном и их последователями концепта управления хаосом необходимо выделить два фактора: во-первых, осмысление трансформаций понятия “хаос” в естественнонаучном знании XIX–XX вв.; во-вторых, активное использование данными исследователями философского наследия.

Что касается первого фактора, то тут нужно отметить, прежде всего, критику так называемого закона возрастания энтропии, который описывал мир в качестве непрестанно эволюционирующего от порядка к хаосу. Важную роль сыграло осмысление работ А. Пуанкаре о хаотических траекториях, а также изысканий Э. Лоренца, посвящённых изучению хаоса в детерминированных системах.

Говоря о факторе философского влияния, можно указать на то, что авторы, поднимающие вопрос управления хаосом, обильно цитируют идеи представителей философской классики. Например, И. Пригожин и И. Стенгерс в своей известной работе приводят размышления Тита Лукреция Кара [10, с. 196], К. Майнцер ссылается на идеи Гераклита и других философов Античности [8, с. 29] и т.д. Также следует сказать, что ряд исследователей видит в представителях синергетики и близких дисциплин продолжателей известных философских традиций. Например, М. Каган в этом контексте говорит о развитии положений гегелевской диалектики [4, с. 539]. Е. Н. Князева и С. П. Курдюмов в своей работе “Основания синергетики” указывали, что в работах Ф. Ницше можно отыскать немало идей и образов, “весьма близко подходящих к представлениям синергетики”. Довольно распространённым является взгляд, что методологией теории хаоса является философия постмодернизма [3, с. 103]. Впрочем, по нашему мнению, наиболее продуктивным в вопросе установления историко-философского своеобразия идеи управления хаосом будет непосредственный анализ концептуальных аспектов данной идеи.

Первое философское положение, на котором базируется идея управления хаосом, заключается в убеждении, что случайность и необходимость находятся в более сложных отношениях, чем это предполагают традиционные мировоззренческие схемы. Так Г. Хакен пишет: “Реальный мир нуждается и в случайности, и в необходимости” [12, с. 178], а И. Пригожин и И. Стенгерс отмечают: “Далекое от мысли противопоставлять случайность и необходимость, мы считаем, что оба аспекта играют существенную роль в описании нелинейных сильно неравновесных систем” [10, с. 56]. В этом концептуальном аспекте следует разобраться более подробно.

Говоря о хаосе, представители данной интеллектуальной традиции указывают, прежде всего, на такую его характеристику, как неустойчивость, радикальную изменчивость. Г. Хакен отмечает, что “хаотическими считаются те процессы, течение которых полностью изменяется при малейшем изменении исходных условий” [13, с. 143]. Как пишут исследователи, “Теория хаоса фокусирует внимание на определённых формах поведения – на поведении, которое является нестабильным и аперриодическим” [16, с. 4]. При таком взгляде на вещи, конечно же, онтологический статус случайности чрезвычайно возрастает.

Как справедливо констатирует К. Делакаров, случайность приобретает новый смысл, поскольку в точках бифуркации она оказывается ответственной за дальнейшее развитие событий [3, с. 103]. Следует отметить, что ряд авторов полагает, что при описании хаотических процессов уместнее говорить не о раздвоении возможных путей развития, а имеет смысл подразумевать

“гораздо большее – в принципе, неопределённое – число” такого рода возможностей [5, с. 242]. Исходя из этого убеждения, например, М. Каган предлагает использовать термин “полифуркация”.

Необходимости, тем не менее, также есть место в теориях представителей указанной интеллектуальной традиции. Например, фактор необходимости учитывается в рамках подсчёта степени вероятности выбора того или иного сценария развития событий.

Важной чертой теорий сторонников идеи управления хаосом является трактовка неустойчивости хаотических состояний, поливариантности их развития не как недостатка, а, напротив, в качестве позитивного условия развития. Так, занимающийся анализом исторических процессов Л. Няпинен отмечал, что “Сильно неравновесный хаос можно рассматривать как поле возможностей в исторической реальности. Из-за этого креативного хаоса в каждой исторической реальности имеется возможность новых реальностей” [9, с. 44]. Известное сопоставление управления сложными системами с ездой на велосипеде [6, с. 55] говорит о новом взгляде на феномен неустойчивости. Если ранее неустойчивость считалась большим пороком модели, то сейчас имеется немало сторонников противоположного взгляда, который свидетельствует, что развитием статически неустойчивых состояний вполне можно управлять.

Второе философское основание, на котором базируется идея управления хаосом – это пересмотр традиционных схем соотношения первичного и второстепенного. Яркий образ, вошедший в интеллектуальный оборот под названием “эффект бабочки”, призван свидетельствовать о том, что ничтожное влияние на самом деле способно стать решающим фактором: “Начальные отклонения с течением времени нарастают, малые причины приводят к большим следствиям. Это явление иногда называют эффектом бабочки, так объясняя название: взмах крыльев бабочки в неустойчивой системе может со временем вызвать бурю, изменить погоду в огромном регионе” [6, с. 24].

Как отмечают авторы, всякий процесс развития сопровождается бесконечно большим количеством разного рода незначительных событий. Е. Князева рассматривает такого рода события в рамках понятия “жертва” [7, с. 59]. Масса незначительных, как она пишет, “зряшных”, событий являются жертвой, которую приносит существование ради своего развития – ведь мириады этих забывающихся, не оказывающих никакого влияния событий, содержат в себе и те немногие события, которые оказываются решающими факторами, что определяют весь ход дальнейшего развития.

Исследователи указывают, что второстепенное, незначительное способно играть решающее значение только лишь в условиях хаоса. Анализируя физический хаос, И. Пригожин и И. Стенгерс пишут, что в равновесном состоянии материя “слепа” к незначительным факторам, однако в сильно неравновесных условиях она обретает способность “реагировать” на те факторы, которые ранее “не замечала”. При анализе хаотических состояний социума, теоретики говорят о подобных явлениях. Так И. Валлерстайн утверждает, что в таких состояниях решающую роль начинают играть незначительные воздействия, “которые могут иметь кардиналь-

ное значение для системы, находящейся в состоянии кризиса” [1, с. 79].

Стоит обратить внимание, что в вышеназванных теориях изменения обычно рассматриваются на двух уровнях – микроуровне и макроуровне. При хаотическом состоянии флуктуации на микроуровне способны перейти на макроуровень, трансформируя развитие в том или ином направлении. Е. Князева пишет: “Хаотические процессы на микроуровне, на уровне элементов как бы пробиваются на макроуровень. Флуктуации вносят существенный элемент неопределенности, детерминируют выбор одного определенного направления эволюции из целого спектра возможных направлений” [7, с. 30].

В этом контексте интересен термин “гипноны”, который применяют для обозначения структурных единиц, ведущих себя некогерентно, несогласованно в состоянии равновесия [10, с. 357]. Каждый из гипнонов может обладать сколь угодно сложной структурой, но в состоянии равновесия их сложность обращена “внутри” и не проявляется “снаружи”. Гипноны движутся как сомнамбулы, “не замечая” друг друга. Однако, всё меняется в условиях хаоса. Как описывают И. Пригожин и И. Стенгерс, гипноны оказываются способны к согласованному действию, которое, прорываясь на макроуровень, меняет направление развития.

Некоторые сторонники идеи управления хаосом также используют термин “джокер” для наименования тех незначительных событий, которые способны стать решающими для дальнейшего развития: “Джокер может радикально изменить ход процесса – сделать установившийся процесс периодическим или хаотическим, или, напротив, внести упорядоченность в поведение системы. Поиск джокеров, характеризующих историческую реальность, может оказаться глубокой содержательной проблемой” [6, с. 110].

Регулирование хаоса происходит именно при помощи работы с “незначительными событиями”. Если анализ и расчёты проведены правильно, то хаос может стать управляемым: “Один из самых заманчивых и опасных талисманов во дворе Хаоса – новые способы управления сложными системами. Достааточно чуть-чуть подтолкнуть систему – и вот уже точка движется не по правой ветви, а по левой. И богатырь на распутье уже пошел не по той дороге, где “женатому быть”, а по той, где “коня потерять”, а с ним и все остальное. Родилась новая область исследований – управление хаосом” [6, с. 28].

Авторы приводят примеры эффективного управления хаосом из самых различных областей. От технологий конструирования лазеров [13, с. 158] до истории [1, с. 267] и политики. Например, анализируя политические процессы, Делакаров отмечает, что развитие страны могут по своему усмотрению вызывать хаос в нужной точке планеты, чтобы установить тот порядок, который им выгоден [3, с. 90]; подобные рассуждения можно увидеть и в совместной работе С. П. Капицы, С. П. Курдюмова, Г. Г. Малинецкого [6, с. 28].

Третье философское основание идеи управления хаосом состоит в представлениях о принципиальном антимеханицизме практики управления хаосом. Теоретики категорически отбрасывают презумпции механистического детерминизма.

Исследователи не случайно ставят вопрос: “Является ли оксюмороном фраза “управление хаосом”? [14, с. 1]. Хаос не может быть управляем механически. Под управлением хаосом понимается весьма сложная деятельность, которая менее всего напоминают механические действия. Тот, кто претендует на управление хаосом, не пытается ничего диктовать хаосу, он лишь актуализирует тот или иной вариант его самоорганизации. Хаос сам регулирует себя, человек лишь подталкивает хаос к выбору одного из возможных вариантов своей самоорганизации.

В связи с таким подходом, управление хаосом представляется чрезвычайно сложной задачей. Тут не может идти речь об автоматическом следовании заранее составленному алгоритму. Деятельность по управлению хаосом имеет отношение не только к науке, философии, но и к искусству.

Исследователи совершенно справедливо отмечают, что в работе с хаосом существует определённый горизонт предсказуемости хаотического поведения, который означает конечную временную протяженность предсказуемого поведения, которое не может быть повышено усовершенствованием прогностических методик. Тот, кто управляет хаосом, должен быть готов вносить в свою деятельность коррективы: “В случае хаотической динамики уже крохотная разница в начальных условиях может привести к тому, что через короткий промежуток времени две траектории в фазовом пространстве разойдутся экспоненциально быстро. В этом случае невозможно получить долгосрочный прогноз, так как начальные данные могут быть определены лишь с конечной степенью точности” [8, с. 116]. Применяемые при управлении хаосом методы анализа временных рядов могут лишь наметить будущие направления и аттракторы поведения. На данный момент авторы полагают, что “Хаос не допускает никакой устойчивой стратегии решения задач” [8, с. 384].

Неудивительно, что исследователи высказываются о перспективах управления хаосом хотя и с оптимизмом, но весьма осторожно. Так Г. Хакен пишет: “Контроль над хаотическими процессами действительно возможен – по крайней мере в ряде случаев” [13, с. 148]. К. Майнцер говорит о том, что “Есть шанс научиться управлять хаосом и случайностью в сложном нелинейном мире” [8, с. 42].

Нужно отметить, что И. Пригожин и многие другие авторы, занимающиеся вопросом осмысления хаотических состояний, полагают, что действия человека по отношению к хаосу являются не односторонним действием, а именно взаимодействием – “диалогом” [10, с. 43].

Выводы нашего исследования следующие. Во второй половине XX века ряд учёных (И. Пригожин, Г. Хакен и другие), изучавших в ходе естественнонаучных исследований феномены хаоса, нелинейной динамики и т.п., сочли нужным выйти из этих рамок на уровень философских обобщений, оживив философские дискуссии новыми терминами и нестандартными подходами. В частности, эти учёные предложили идею управления хаосом.

Данная идея обладает спецификой в истории западной мысли. Она вступает в противоречие с распространёнными в истории философии идеями (Платон, Авгу-

стин Блаженный и др.) о том, что хаос может быть упорядочен лишь трансцендентными человеку силами. Наиболее близкими к идее управления хаоса можно считать теории об эффективности попыток человека отграничить себя от хаоса (Луллий, Николай Кузанский и др.), а также представления о том, что человек способен предотвращать проявления хаоса в социальной сфере (Т. Гоббс, Дж. Локк и др.).

На генезис идеи управления хаосом оказали влияние два фактора: естественные авторами трансформации понятия “хаос” в естественнонаучном знании XIX–XX вв., а также их обращение к философскому наследию.

Предложенная И. Пригожиным, Г. Хакеном и др. идея управления хаосом базируются на трёх философских положениях. Во-первых, на представлении о том, что случайность и необходимость находятся в более сложных отношениях, чем это предполагают традиционные схемы. Во-вторых, на пересмотре классических представлений о соотношении первичного и второстепенного. В-третьих, эта идея базируется на представлениях о принципиальном антимеритизме практики управления хаосом.

Список использованных источников

1. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / И. Валлерстайн ; [пер. с англ. под ред. В. Иноземцева]. – М. : Логос, 2004. – 368 с.
2. Глейк Дж. Хаос: Создание новой науки / Дж. Глейк ; [пер. с англ. М. Нахмансона, Е. Барашковой]. – СПб. : Амфора, 2001. – 398 с.
3. Делокаров К. Синергетика и динамика базовых смыслов / К. Х. Делокаров // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. – М. : Прогресс-Традиция, 2004. – С. 88–106.
4. Каган М. С. О месте практической философии в системе философского знания / М. С. Каган // Избранные труды в VII томах. – СПб. : Петрополис, 2006. – Т. II. Теоретические проблемы философии. – С. 537–545.
5. Каган М. С. О сфере действия и границах циклической структуры процессов самоорганизации природных и антропо-социо-культурных систем / М. С. Каган // Избранные труды в VII томах. – СПб. : Петрополис, 2006. – Т. I. Проблемы методологии. – С. 240–250.
6. Капица С. П. Синергетика и прогнозы будущего / С. П. Капица, С. П. Курдюмов, Г. Г. Малинецкий. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 288 с.
7. Князева Е. Н. Одиссея научного разума. Синергетическое видение научного прогресса / Е. Н. Князева. – М. : ИФРАН, 1995. – 228 с.
8. Майнцер К. Сложносистемное мышление: Материя, разум, человечество. Новый синтез / К. Майнцер. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 464 с.
9. Няпинен Л. Программа И. Пригожина перестройки традиционной физики и вытекающие из нее заключения для понимания социальных проблем / Л. Няпинен ; [пер. Ю. Данилова] // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. – М. : Прогресс-Традиция, 2004. – С. 24–51.
10. Пригожин И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Прогресс, 1986. – 432 с.
11. Уёмов А. Системные аспекты философского знания / А. Уёмов. – Одесса : Негоциант, 2000. – 159 с.
12. Хакен Г. Синергетика / Г. Хакен ; [пер. с англ. В. Емельянова]. – М. : Мир, 1980. – 405 с.
13. Хакен Г. Тайны природы / Г. Хакен. – М. : Институт компьютерных исследований, 2003. – 320 с.
14. Bollt E. Targeting Control of Chaotic Systems / Erik M. Bollt // Chaos Control: Theory and Applications. – Springer, 2003. – P. 1–24.
15. Kellert S. Borrowed Knowledge: Chaos Theory and the Challenge of Learning across Disciplines / Stephen H. Kellert. – University of Chicago Press, 2009. – 288 p.
16. Kellert S. In the Wake of Chaos: Unpredictable Order in Dynamical Systems / Stephen H. Kellert. – University of Chicago Press, 1993. – 176 p.
17. Wimsatt W. Re-engineering Philosophy for Limited Beings: Piecewise Approximations to Reality / William C. Wimsatt. – Harvard University Press, 2007. – 450 p.

References

1. Vallerstajn I. Konets znakomogo mira: Sotsiologiya XXI veka / I. Vallerstajn ; [per. s angl. pod red. V. Inozemtseva]. – M. : Logos, 2004. – 368 s.
2. Gleyk Dzh. Haos: Sozdanie novoy nauki / Dzh. Gleyk ; [per. s angl. M. Nahmansona, E. Barashkovoy]. – SPb. : Amfora, 2001. – 398 s.
3. Delokarov K. Sinergetika i dinamika bazovyih smyislov / K. H. Delokarov // Sinergeticheskaya paradigma. Kognitivno-kommunikativnyie strategii sovremennogo nauchnogo poznaniya. – M. : Progress–Traditsiya, 2004. – S. 88–106.
4. Kagan M. S. O meste prakticheskoy filosofii v sisteme filosofskogo znaniya / M. S. Kagan // Izbrannyye trudy v VII tomah. – SPb. : Petropolis, 2006. – T. II. Teoreticheskie problemy filosofii. – S. 537–545.
5. Kagan M. S. O sfere deystviya i granitsah tsiklicheskoj strukturyi protsessov samoorganizatsii prirodnyih i antropo-sotsio-kulturnyih sistem / M. S. Kagan // Izbrannyye trudy v VII tomah. – SPb. : Petropolis, 2006. – T. I. Problemy metodologii. – S. 240–250.
6. Kapitsa S. P. Sinergetika i prognozyi buduschego / S. P. Kapitsa, S. P. Kurdyumov, G. G. Malinetskiy. – M. : Editorial URSS, 2003. – 288 s.
7. Knyazeva E. N. Odisseya nauchnogo razuma. Sinergeticheskoe videnie nauchnogo progressa / E. N. Knyazeva. – M. : IFRAN, 1995. – 228 s.
8. Mayntser K. Slozhnosistemnoe myshlenie: Materiya, razum, chelovechestvo. Novyyiy sintez / K. Mayntser – M. : LIBROKOM, 2009. – 464 s.
9. Nyapinen L. Programma I. Prigozhina perestroyki traditsionnoy fiziki i vyitekayuschie iz nee zaklyucheniya dlya ponimaniya sotsialnyih problem / L. Nyapinen ; [per. Yu. Danilova] // Sinergeticheskaya paradigma. Kognitivno-kommunikativnyie strategii sovremennogo nauchnogo poznaniya. – M. : Progress–Traditsiya, 2004. – S. 24–51.
10. Prigozhin I. Poryadok iz haosa: Novyyiy dialog cheloveka s prirodoy / I. Prigozhin, I. Stengers. – M. : Progress, 1986. – 432 s.
11. Uyomov A. Sistemnyie aspektyi filosofskogo znaniya / A. Uyomov. – Odessa : Negotsiant, 2000. – 159 s.
12. Haken G. Sinergetika / G. Haken ; [per. s angl. V. Emelyanova]. – M. : Mir, 1980. – 405 s.
13. Haken G. Tayny prirody / G. Haken. – M. : Institut kompyuternyih issledovaniy, 2003. – 320 s.
14. Bollt E. Targeting Control of Chaotic Systems / Erik M. Bollt // Chaos Control: Theory and Applications. – Springer, 2003. – P. 1–24.
15. Kellert S. Borrowed Knowledge: Chaos Theory and the Challenge of Learning across Disciplines / Stephen H. Kellert. – University of Chicago Press, 2009. – 288 p.
16. Kellert S. In the Wake of Chaos: Unpredictable Order in Dynamical Systems / Stephen H. Kellert. – University of Chicago Press, 1993. – 176 p.
17. Wimsatt W. Re-engineering Philosophy for Limited Beings: Piecewise Approximations to Reality / William C. Wimsatt. – Harvard University Press, 2007. – 450 p.

Kulik A. V., PhD, Associate Professor Oles Honchar Dnepropetrovsk National University (Ukraine, Dnepropetrovsk), al.v.kulik@gmail.com

Philosophical background of controlling chaos idea

The aim of the research is systematization of philosophical basis of controlling chaos idea that was enunciated in works by Ilya Prigogine, Hermann Haken and their followers. Main research methods were comparative method and hermeneutics. It is grounded that controlling chaos idea is based on the following three philosophical statements. First statement is that eventuality and necessity are in more complicated relationships than it is offered in traditional schemes. Second statement is that classical ideas of balance of primary and subsidiary in chaos analysis are insufficient. Third statement is ideas about essential antimechanism of controlling chaos practice. It is argued that two factors influenced genesis of controlling chaos ideas. Firstly, the apprehension of transformation of notion “chaos” in science knowledge in XIX–XX centuries. Secondly, the appeal of the authors of controlling chaos idea to philosophical heritage. It is shown that controlling chaos idea has its specifics in history of western thought.

Keywords: history of philosophy, chaos, control of chaos, synergetics, philosophy of the twentieth century.

Кулик О. В., кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії, Дніпропетровський національний університет ім. Олеся Гончара (Україна, Дніпропетровськ), al.v.kulik@gmail.com

Філософські основи ідеї управління хаосом

Метою дослідження є історико-філософська систематизація філософських основ ідеї управління хаосом у роботах І. Пригожина, Г. Хакена та їх послідовників. Основними методами дослідження є компаративний метод і герменевтика. Обґрунтовано, що ідея управління хаосом базується на таких трьох філософських тезах. По-перше, на уявленні про те, що випадковість і необхідність знаходяться в більш складних стосунках, ніж це пропонують вважати традиційні схеми. По-друге, на переконанні у недостатності класичних уявлень про співвідношення первинного та другорядного. По-третє, на уявленні про принциповий антимеханіцизм практики управління хаосом. Аргументовано, що на генезу ідеї управління хаосом спричинили вплив два фактори: осмислення трансформації поняття "хаос" у природничих науках ХІХ–ХХ ст., а також звертання авторів ідеї управління хаосом до філософської спадщини. Продемонстровано, що ідея управління хаосом має специфіку порівняно з іншими ідеями західної думки про хаос.

Ключові слова: історія філософії, хаос, управління хаосом, синергетика, філософія ХХ століття.

* * *

УДК 297

Малюта К. О.,
аспірантка кафедри релігієзнавства, Київський
національний університет ім. Тараса Шевченка
(Україна, Київ), leley@ukr.net

ОСОБЛИВОСТІ ГНОСЕОЛОГІЧНОЇ ПРОБЛЕМАТИКИ В ІСМАЇЛІТСЬКІЙ ФІЛОСОФІЇ

На основі аналізу найбільш відомих творів філософів-ісмаїлітів розглядаються особливості ісмаїлітської теорії пізнання, зокрема проблема пізнання Бога. Метою є виявлення основних засад ісмаїлітської гносеології. Для її досягнення виокремлено ті гносеологічні ідеї, що є тотожними для Хамід аль-Діна Кірмані, Насир-і Хусрава, Насир аль-Діна Тусі, Абу Якуба Сіджистані, а також для так званих братів чистоти.

Виявлено, що непізнаність Бога носить для ісмаїлітів аксіоматичний характер. У процесі самовдосконалення людини увага приділяється ролі розуму та знання. Втім, починаючи з думки ісмаїлітів, треба з примітивнішого пізнання, що базується на чуттєвому сприйнятті. Важливим правилом, якого слід дотримуватися в процесі отримання знань, є правило послідовності: від простішого до складного, від екзотеричного до езотеричного, від пізнання себе до пізнання Бога.

Ключові слова: пізнання, гносеологія, ісмаїлізм, розум, філософія.

Для того, щоб виявити основні принципи гносеології ісмаїлітів, звернімося до філософської спадщини кількох ісмаїлітських мислителів доби Середньовіччя. Аль-Кірмані, Насир-і Хусрава, Абу Якуба Сіджистані, Насир ад-Діна ат-Тусі. Так, значну частину своїх роздумів вищезгадані філософи присвячують вирішенню саме гносеологічних питань.

У своїй широковідомій роботі під назвою "Успокоєние разума" аль-Кірмані серед інших подає власну теорію пізнання. У її центрі – людина, наділена здатністю пізнавати світ матеріальний та, до певної міри, духовний. І для того, щоб у процесі пізнання не потрапити на шлях хибних висновків, аль-Кірмані пропонує їй почати з прочитання Священих текстів і ознайомитись з думками пророків та імамів. Він порівнює новонароджену душу людини з чистим листком паперу, на якому пророки та мудрі імами малюють шлях до пізнання. Чиста душа потребує будь-якої форми знання, тому філософ застерігає від отримання знань хибних, які можуть сприйматися "голодною" душею як істинні.

Наступне правило, як є спільним для усіх ісмаїлітських філософів та на якому акцентує увагу аль-Кірмані, твердить, що в процесі отримання знань слід дотримуватися певної послідовності: від простішого до

складного, від екзотеричного до езотеричного, від пізнання себе до пізнання Бога. Людина, яка не дотримується цих принципів, неодмінно потрапляє в тенета сумнівів. Це ж саме читаємо у творах "братів чистоти", які поділяють пізнання на кілька рівнів та наголошують на необхідності пройти кожен з них по черзі, від простішого до складного.

Ісмаїліти, як і багато інших середньовічних арабомусульманських філософів поділяють пізнання на безпосереднє та дискурсивне. Першим типом володіють лише обрані люди, друге є доступним для кожного. Дискурсивне знання є частковим, фрагментарним у порівнянні зі знанням безпосереднім. Це часткове знання так звані обрані повідомляють масам, користуючись принципом "тавіл", який зводиться до алегоричного тлумачення, зокрема Священих текстів.

Особливим етапом у процесі пізнання є процес пізнання Бога: "Нет никого, кто, приступив к Его познанию, не был бы захвачен растерянностью; и всякий, великолепие творений Его рассмотрев, желает узнать Его и, с пути сбившись, в потемках блуждает" [1, с. 21]. Ісмаїліти уникають будь-яких суджень про Бога, якщо у текстах і зустрічається щось на зразок визначення, то воно носить виключно апофатичний характер. Якщо неоплатоніки вірили у пізнання Єдиного шляхом досягнення повного зосередження, а суфії намагалися досягнути Бога завдяки самовдосконаленню, то ісмаїліти залишають Його за межами будь-якого пізнання. На їх думку, ні пізнати, ні відчутти Бога людина не здатна. У кращому випадку, через постійне самовдосконалення (як і у суфіїв) вона може лише наблизитися до розуміння Бога.

Аль-Кірмані вважає, що саме пізнання божественних наук підносить душу на найвищий рівень. Але перш ніж стати на шлях пізнання (для того, щоб воно не було позбавлене сенсу), людина має очистити свою душу, здійснюючи всі необхідні обряди і дотримуючись слів Святого Письма. Аналогічної думки дотримується й Абу Якуб Сіджистані: "Світло істинного знання приховане від Ібліса та його нащадків" [10, с. 83]. Воно, як вважає філософ, стає єдиним цілим з Першим Суцим і еманує за Божим велінням на обраних пророків.

Будь-яка сутність, на думку аль-Кірмані, природно прагне пізнати те, що передує їй, при цьому пізнання того, що йде за нею не є необхідним: "...Если идущему в бытии после необходимо познать идущее в бытии прежде, ибо его бытие с оным связано, то идущему в бытии прежде не обязательно разуметь то, что получило бытие от него (ему достаточно знать, что он есть поддерживающая причина бытия всего того, чему его подобие может дать бытие), ибо его бытие не связано с бытием существующего от него" [1, с. 120]. Цим Кірмані пояснює зокрема й необхідність знання своєї історії, а також імамів часу.

Всі твори Насир-і Хусрава, ще одного знаного й шанованого ісмаїлітського філософа, просякнуті думкою про необхідність отримання і поширення знання. Часто автор висловлює своє обурення з приводу того, що ортодоксальні богослови через своє нецтво несправедливо критикують ісмаїлітських проповідників, переслідують їх, не даючи нести людям справжнє знання. Філософ стверджує, спираючись на Коран, що прагнення до пізнання властиве людським душам, а тому